

ПШЕНКО Владимир Арсеньевич. Воевал на Ил-4

Летал на дальнем бомбардировщике Ил-4. В ходе Великой Отечественной войны выполнил 80 боевых вылетов. После войны – командир авиационного полка.

Программу на Р-5 я закончил в декабре 1941 года, и меня перевели в Бежскую авиационную школу пилотов для обучения на СБ. А там — горючего нет, полетов никаких. Только в конце 1942 года пришли инструктора, и мы начали летать на СБ. В течение трех месяцев я закончил программу, и 8 марта 1943 года мне было присвоено звание младший лейтенант. Но чтобы на фронт попасть, надо было учиться дальше или на Пе-2, или на Ил-4. Мне повезло — попал в дальнюю авиацию. Несколько месяцев прозанимались теорией, а в начале июня переехали в Троицк на аэродром Кумысное, где стал летать на Ил-4.

Я приехал в Монино в сентябре 1943 года в 16-й Гвардейский авиационный дальнебомбардировочный полк. В это время в полку было всего 13 экипажей из положенных 32. Постепенно стали приходиться со школ еще экипажи, и с конца 1943 года начались боевые вылеты.

Летать начал с аэродрома Выползово на Таллин, Ригу, Любаву. В основном бомбили аэродромы, военно-морские базы, военно-промышленные объекты, железнодорожные объекты. Летали только ночью. Дневных вылетов у меня всего три: на Кенигсберг, на Берлин и на разведку погоды в район Данцига.

Когда на Кенигсберг летали днем, то там столько самолетов было, что сначала было страшновато. Все думал, как бы не столкнуться. Между нами ходят наши же истребители. Ко мне подошел один. Открывает фонарь, рукой показывает: «Здорово!» Бомбы пошли. Он юрк вниз, посмотрел, куда упали бомбы. Догоняет и показывает большим пальцем вверх: «Во!» Значит, попал.

— Кто во время полета вел наблюдение за воздухом?

— В основном я смотрю за воздухом. Головой крутишь так, что после вылета шея вся красная. Штурману почти ничего не видно. И конечно, радист. Мы пошли бомбить железнодорожный узел в Вильнюсе, и на обратном пути меня атаковали три немецких

истребителя. В тот вылет стрелком-радистом у меня был старшина Станислав Себелев, который обычно летал с командиром эскадрильи и воевал чуть ли не с самого начала войны.

Дальние бомбардировщики Ил-4 в полете

Очень опытный, имевший на счету сбитые днем самолеты. Только благодаря ему я остался жив. Отошли от цели, истребитель зажег фару и пошел в атаку. Себелев мне командует: «Вправо, влево» — и все время стреляет. Хорошо, пулемет не отказал! Отбили атаку одного. Второй заходит, и он его сбивает. Кричит: «Ура! Горит!» Но эти двое меня еще долго преследовали. Мне пришлось снизиться с высоты 3000 до 300 метров. Все время меня догоняли, атаковали, но безрезультатно. Домой пришли — 18 пробоин в плоскости. Экипажи подтвердили, что наблюдали стрельбу и видели горящий самолет. За этот вылет меня представили к ордену Красной Звезды, а Станиславу дали орден Отечественной войны. Так что у меня есть один сбитый самолет, хоть и я потерял самолет.

Как потерял? В лунную ночь очень много зависит от стрелка, поскольку истребитель будет идти ниже и стараться увидеть меня на фоне неба. У меня стрелком был опытный Леша Гудков. Один раз, 20 декабря 1944 года, я его оставил дома, а вместо него взял старшего техника-лейтенанта Толю Прача.

Вылетели подсвечивать цель Мемель (Клайпеда). Первый экипаж сбросил светящие бомбы, я сбрасывал вторым. Через три минуты мне надо зайти и сбросить еще раз, чтобы цель освещалась непрерывно. Зашел, «САБы» сбросил. Зенитные снаряды рвутся недалеко от самолета, а этот пулемет вниз опустил и начал стрелять. Кричит «Бей гадов!!» и стреляет. Я говорю: «Прекрати». Сманеврировал, отошел от цели, но, видимо, истребитель нас засек по выстрелам пулемета и уже не выпускал из виду.

При подходе к линии фронта я перестал маневрировать. Взятая переключать баки, в этот момент между моими ногами и спиной штурмана начали рваться снаряды, выпущенные истребителем.

Зарево! Все как будто взлетело вверх. Я оказался в огне! Штурвал туда-сюда — самолет не слушается, перебито управление. В переговорное устройство кричу: «Алло, алло!» Никто меня не слышит. Посмотрел на штурмана Кречетова Ивана Николаевича, но за стеной огня его не увидел, стал кричать. И тут появилась какое-то чувство, какая-то сила над головой и говорит: «Прыгай немедленно! Не забудь кольцо!» Я за кольцо вцепился и за борт, но за что-то зацепился брезентовой лямкой унтов. Дергал-дергал — сорвал унт. Меня струей подхватило, на бок перевернулся, дернул за кольцо, в этот момент я вскользь ударился тазом о хвостовое оперение.

Парашют открылся. Горящий самолет пошел вниз. Думаю: «Все погибли». Однако штурман сидел с 3,5 тысячи до 1500 метров, а потом все же рискнул выпрыгнуть и спасся. А радист и стрелок, видимо, были ранены и погибли вместе с самолетом.

Приземлился я в густой еловый лес. Достал индивидуальный пакет, бинтом перемотал ногу. Вытащил пистолет. Шлемофон снял. Стянул парашют. Сел и заплакал. Минут 15–20 сидел, пока не почувствовал — прохладненько. Ну, думаю, надо выбираться. Ножом вырезал у шлемофона уши, надел. Пистолет в правую руку, компас в левую и пошел на восток. Сначала слышал стрельбу впереди. Где ползком, где пригнувшись, так и шел не знаю сколько, только смотрю, а осветительные ракеты уже по сторонам взлетают. Думаю: «Где-то здесь наши». Обрадовался.

Я попал к заградотрядовцам, которые дезертиров и блуждающих немцев отлавливали. Они мне сказали, что обязаны, согласно приказу Сталина, летный состав доставлять немедленно на аэродромы. Привезли на аэродром прямо к руководителю полетов.

Вместе с вернувшимися с задания штурмовиками пошел в столовую. А там мой штурман! Мы вернулись через двенадцать дней. За это время никто не сообщил в полк, что мы живы. Обычно ждут десять дней. На нас набросились, на руках понесли в столовую, целовали, обнимали. Потом командир полка велел идти отдыхать, а постель моя уже свернута. Поставили мне кровать и новую постель сделали. Они и матери сообщили, что я погиб.

Летать я не мог, поскольку слегка обгорел и болела поясница. Да и внутреннее состояние было не ахти. Нас отправили в Солнечногорск в дом отдыха санаторного типа с углубленным осмотром и лечением. Пробыл я там 24 дня, подлечился, успокоился и вернулся в полк.

Дали новый самолет. И я еще сделал 28 вылетов. Первые вылетов пять мандражил. Было страшновато. Кажется, самолет не так идет. Вроде заходят меня сбивать. Я уже кричу: «Радист, смотри! Стрелок, смотри! Второй раз уже живой не останешься, если шибанут!» Потом привык, все прошло, как будто ничего не бывало.